
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕЗЫ ИСТОРИИ

А. В. ПАК

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ЗАРОЖДЕНИЯ ХРИСТИАНСТВА В КОРЕЕ: ПРОНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КАТОЛИЦИЗМА В XVII–XIX ВВ.

Среди большинства российских читателей, интересующихся Востоком, широко распространено мнение, что современная Южная Корея – преимущественно буддийская страна с конфуцианской моралью и традициями. Между тем история христианства в этой стране насчитывает несколько веков. Начавшись с первых подпольных церквей и маленьких кружков среди прогрессивных конфуцианских ученых по изучению диковинного западного учения, христианство к началу XX в. не просто органично вросло в корейскую почву, но даже потеснило местные верования. Причем настолько стремительно и неожиданно, что сами европейские миссионеры назвали это чудом. Но чтобы подобное «чудо» состоялось, оно должно было быть подготовлено всем ходом предшествующей корейской истории.

Именно таким значимым, но, к сожалению, сегодня давно забытым сюжетом и является история первоначальной деятельности в Корее католической церкви. Это не только история ее основания и религиозно-культурной деятельности, но и история развития и зарождения новых и прогрессивных идей в традиционном восточном обществе, которые пробивали себе дорогу в ожесточенном противоборстве с косностью и консерватизмом. Были на этом пути и человеческие жертвы; тысячи корейских верующих католиков и первые иностранные священники заплатили своей жизнью за право исповедовать и распространять свою веру. Однако вопреки всем трудностям и историческим испытаниям сегодня христианство является одним из уважаемых религиозных направлений в современной Корее.

*Историческая психология и социология истории 2/2022 29–53
DOI: 10.30884/ipsi/2022.02.03*

Ключевые слова: *неоконфуцианство, сирхак, орден иезуитов, сохак, Хван Саён, Пётр Ли Сынхун, тэвонгун, ван Коджон, культ поминовения предков в Корее.*

Среди большинства российских читателей, интересующихся Востоком, широко распространено мнение, что современная Южная Корея – преимущественно буддийская страна с конфуцианской моралью и традициями. Между тем история христианства в этой стране насчитывает несколько веков. Начавшись с первых подпольных церквей и маленьких кружков среди прогрессивных конфуцианских ученых по изучению диковинного западного учения, христианство к началу XX в. не просто органично вросло в корейскую почву, но даже потеснило местные верования. Причем настолько стремительно и неожиданно, что сами европейские миссионеры назвали это чудом. Но чтобы подобное «чудо» состоялось, оно должно было быть подготовлено всем ходом предшествующей корейской истории.

В Корее, как известно, существовали национальные религии – шаманизм, даосизм, буддизм и конфуцианство, отчасти они и стали духовной основой для восприятия христианства. Этот вывод мог бы показаться странным и непонятным, если бы не один важный момент: все они, за исключением шаманизма, тоже были когда-то восприняты корейцами извне. Столь сложный сплав породил особый культурный феномен – религиозный синкретизм, когда различные верования мирно сосуществуют и взаимно обогащают национальную культуру. Поэтому к моменту появления в Корее европейских проповедников идейная и философская почва для восприятия христианства там уже была.

Первым христианином, побывавшим в Корее, был португалец Грегори де Сеспедес, прибывший на полуостров вместе с японскими войсками во время Имджинской войны (1592–1598). Однако, поскольку католический священник приехал в Корею вместе с японскими оккупантами и не знал корейского языка, его деятельность никак не повлияла на зарождение в стране религиозного миссионерства (Paik 1987: 29).

Настоящее же знакомство корейцев с идеями католицизма в XVII в. произошло через Китай, сначала через корейских дипломатов, а затем и посредством прогрессивных конфуцианских ученых, которые заинтересовались новыми, неведомыми дотоле достижениями западной науки.

Первым человеком, сообщившим образованным корейцам о существовании христианства, считается конфуцианский ученый Хо Гюн – писатель и автор «Повести о Хон Гильдоне» (Толстокулаков 2004: 245).

В 1606 г. он, будучи назначенным официальным посланником корейского вана, приехал в Пекин и познакомился там с местными католиками, попутно изучив европейские научные трактаты, которые к тому времени уже были переведены на китайский язык. Позднее его знания и связи с представителями прогрессивного идейного течения *сирхак* («Движения за реальные знания») заложили основу для появления у корейцев интереса к западной религии.

Неоконфуцианство на определенном этапе сыграло положительную роль в истории Кореи. Однако в XVII–XVIII вв. чжусианство в значительной мере утратило свои прогрессивные черты, превратившись в тормоз на пути новых идей, а его последователи окончательно превратились в консерваторов.

Ортодоксы от конфуцианства исповедовали *садэджубый*, то есть слепое «преклонение перед великой державой», тем самым воспитывая в обществе пренебрежительное отношение ко всему корейскому. *Садэ* («служение старшему») являлось традиционной нормой дипломатических отношений Китая с соседними государствами, основу которого составляло высокомерное, покровительственное отношение к соседним малым странам как «низшим» и «варварским» (Тягай 1983: 16).

Хотя подобная вассальная зависимость не влекла за собою потери самостоятельности в сфере внутренней политики, в области культуры и идеологии, страна находилась под сильнейшим влиянием китайской культуры, нравов и обычаев. Взгляды и поведение правящей элиты определялись *мохва сасан* («идеологией преклонения перед Китаем»), которая выражалась в подражании корейской знати китайскому придворному этикету, музыке и т. д. Постепенно оно переросло и в *мохва чончхэк* («политику преклонения перед Китаем»). Ее практическим воплощением стало, в частности, пренебрежительное отношение к корейской письменности *хангыль* (корейскому алфавиту), которая была изобретена по инициативе вана Седжона еще в XV в. (Гафуров и др. 1974: 244).

Несмотря на то что новый алфавит был намного проще и доступнее китайских иероглифов, господствующий класс в целом равнодушно воспринял реформу корейской письменности. Более того, янбаны – корейские дворяне – относились к *хангыль* с прене-

брежением, часто называя его *амкхыль* («женское письмо») и *он-мун* («народное письмо»). Презрительное название «женское письмо» они использовали потому, что этой письменностью пользовались в основном женщины. «Народное письмо» также имело презрительный оттенок – «письменность для простолюдинов» (Чан Джэён 1997: 65). Лишь только знание китайских иероглифов (*хан-мун*) могло показать интеллектуальный уровень янбана. Поэтому в конфуцианских школах, как правило, главное внимание уделялось изучению китайских иероглифов. В результате корейская национальная письменность не получила должного признания вплоть до конца XIX – начала XX в.

Корейские неоконфуцианцы проявляли также крайнюю нетерпимость по отношению к другим верованиям, называя их «ересью». Даже сами китайцы, часто бывавшие в Корее, считали своих корейских последователей более благочестивыми, чем они сами. Культивируя косность и консерватизм, правящая элита не хотела признавать никакого другого подхода к изучаемым проблемам, кроме неоконфуцианского.

Однако и в среде конфуцианских ученых появились люди, которые не желали мириться с подобным застоём в философской и научной мысли. Так в конце XVI – XVII в. в Корее возникло передовое течение общественной мысли *сирхак* («Движение за реальные знания»). Прогрессивно мыслящие чиновники, ученые, писатели, художники – участники этого движения выступали за реальные практические знания, направленные на улучшение жизни страны и простого народа (Пак 1982: 19). Основным призывом данного идейного течения стал поиск истины не в книжной премудрости, а в реальных вещах и явлениях окружающего мира. При этом особое внимание сирхакистов было обращено на внедрение в стране передовых научных знаний, к которым они относили не только естественные науки (астрономию, медицину), но и гуманитарные (историю, географию и литературу) (Жуков 1959: 439).

Важным идеологическим фактором, способствовавшим развитию критической мысли в Корее, было влияние западной культуры. Сведения о достижениях европейской науки и культуры распространялись через Китай. Основу для успешного распространения западной культуры и религии в Китае создали иезуиты, которые проникли туда гораздо раньше классических католиков. Иезуиты стали первыми, кто в Новое время установил прочные культурные связи между Западом и Востоком (Чирков б. г.). Даже внешне они

напоминали скорее ученых, чем монахов. Активная светская деятельность, высшее положение в обществе были целями членов ордена. Это позволяло находиться в центре политической и общественной жизни, оказывать на нее решающее влияние, как того требовали интересы католической церкви.

Поэтому иезуитов часто называют самым ученым орденом среди всего разнообразия монашеских орденов католической церкви. Многие из его членов были учеными с мировыми именами. Миссионеры, которые в последующем стали работать в Китае, не были исключением. В начальный период развития деятельности католической миссии в Китае иезуиты оказали огромное влияние на формирование положительного образа Европы для китайского народа. В Китае с начала XVI по конец XVIII в. миссионеры служили практически единственным источником информации о Западе.

Иезуиты приобрели среди китайцев репутацию выдающихся западных ученых. Благодаря этому им как европейцам открывался доступ в высшие круги правящей и интеллектуальной элиты Поднебесной империи. Одним из лучших методов пропаганды христианского вероучения и европейской культуры стал метод инкультурации христианства, заключающийся в распространении религиозных идей на основе местных верований и культуры (Чирков б. г.). Ярким примером являются перевод Библии на национальные языки, изображение Девы Марии в образе восточной женщины и т. д.

Именно такую адаптированную форму католицизма и восприняли через Китай корейские конфуцианские ученые и первые последователи христианства.

Круг проблем, интересовавших ученых-сирхакистов, был исключительно широк и касался буквально всех сторон корейской жизни: география, история, астрономия, инновации в области сельского хозяйства, критика суеверий и консервативных конфуцианских порядков. Перечень их научных трудов и открытий достаточно известен и подробнейшим образом освещен в отечественной корееведческой литературе, в частности в монографии Г. Д. Тягай (1971). По этой причине мы не будем останавливаться на них подробно, акцентировав свое внимание лишь на том их идейном наследии, которое, наряду с изучением достижений западной науки, способствовало популяризации христианства и развитию идей просветительства у последующих поколений корейских реформаторов уже в эпоху модернизации.

Первыми учеными, выступившими с пропагандой идеи *сирхак*, были Хан Пэккём (1552–1615), Ким Юк (1580–1658), Ли Сугван (1563–1628), Лю Хёнвон (1622–1673) и Ли Ик (1681–1763) (Курбанов 2002: 270).

Через несколько лет после поездки Хо Гюна, о котором уже упоминалось выше, Ли Сугван первым рассказал соотечественникам о христианстве, поначалу представив его в качестве одной из тем для философской дискуссии (Толстокулаков 2004: 246).

Именно с подачи Ли Сугвана и его единомышленников в Корею сложилось новое научное направление *сохак* («школа западных наук»), которое поначалу подразумевало лишь изучение науки и религии Запада с акцентом на науку. Лишь позднее этим термином станут обозначать христианскую религию. Говоря о трактате иезуита Маттео Риччи и об основах католицизма, Ли Сугван писал в «Чибон юсоль»: «Европу называют Западом. Человек по имени Ли Ма Ду [китайское имя Маттео Риччи], после восьми лет морского путешествия, проплыв более чем восемьдесят тысяч ли, достиг Кантона, где он проживал в течение десяти лет. В двух томах “Чонджу сирый” (“Истинное понимание Бога”) которые он написал, он сначала пишет о том, как Бог создал Небеса и Землю, и как он управляет ими в этом мире. Там он утверждает, что бессмертие души человека делает его отличным от птиц и животных. Он считает, что буддистская доктрина переселения душ через шесть миров неверна... и в заключение полагает, что характер человека изначально хорош; поэтому он должен уважать Бога и служить ему» (Wanne 1972: 410). Что касается более подробных сведений о его личном отношении к новой религии, то Ли Сугван просто ограничивается тем, что заявляет, будто бы многое из прочитанного показалось ему странным.

И это неудивительно, поскольку первые сирхакисты уделяли больше внимания социально-экономическим проблемам, а не вопросам изучения иноземной религии. Исключение составлял Ли Ик, который не только интересовался общественными проблемами, но и активно критиковал консервативные конфуцианские порядки. Подробно рассмотрев комментарии Чжу Си к конфуцианским трактатам, он с горечью писал: «Стоит только усомниться в одном иероглифе, как уже называют хулителем; преступлением считают даже сверку и сравнение... Если это так, то наука в нашей стране никогда не сможет избавиться от застоя и невежества» (Чон Чин Сок 1966: 223–224).

Говоря о христианстве, Ли Ик отмечал, что оно не просто не враждебно по отношению к корейской культуре, но, напротив, очень похоже на традиционные верования. Так, комментируя работу католического миссионера Пантоя «Семь заповедей», Ли Ик писал: «Главы и разделы упорядочены, примеры жизненны, и в них даже есть нечто такое, что нам, конфуцианцам, еще не известно. Все это – результат самоотверженных занятий... Удивление вызывают лишь частые ссылки на бога и демонов. Если отбросить подобные несуразности и оставить лишь здравые мысли, то окажется, что они несколько не расходятся с конфуцианскими представлениями» (цит. по: Чон Чин Сок 1966: 229–230).

Довольно внимательно, хотя и не столь благожелательно отнесся к христианству ученик Ли Ика Ан Чханбок (1712–1791), который считал католицизм и буддизм одинаково вредными для истинного конфуцианца. Он отмечал: «Мы введены в заблуждение. Это понятие (христианства. – А. П.), что наше тело является нашим врагом, является ужасным извращением. Истина лишь в том, что у всех есть физическое тело, которое соединяет нас с желаниями плоти. Именно поэтому мы, конфуцианцы, подчеркиваем потребность в самообладании. Но почему вы считаете, что наше тело возникает из ничего? Мы получаем тела от наших родителей. Поэтому, если наши тела – наши враги, то и наши родители, которые дали нам их, также должны быть нашими врагами!..» (Ch'oe *et al.* 2000: 132).

Творчество зачинателей *сирхак* в корне отличалось от реформаторских проектов конфуцианских ученых XIV–XV вв. Это выразилось в их движении в сторону естественных и точных наук, знание которых, по конфуцианскому канону, считалось необязательным. Этот радикальный поворот был связан с тем, что создатели нового направления понимали: серьезные социально-экономические реформы будут невозможны без изучения передовых научных знаний.

В конце XVIII – первой половине XIX в. в рамках *сирхак* возникло новое идейное течение – *пукхак* («учение с севера») (Гафуров и др. 1974: 291). Оно исходило из тех же общих принципов, что и *сирхак*, опиралось на наследие его зачинателей.

Наиболее известными его представителями были Хон Дэён (Тамхон), Пак Чивон (Енам) и Чон Ягён (Дасан) (A Handbook... 1993: 96). Сирхакисты нового поколения акцентировали свое внимание, наряду с интересом к традиционной социально-экономической тематике, на проблеме просвещения народа. Они справед-

ливо считали, что именно в распространении знаний – путь к прогрессивному развитию страны, поэтому резко выступали против классового подхода к вопросам обучения, который проповедовала идеология конфуцианства, утверждавшего неспособность простолюдина овладеть знаниями.

Особое место в сирхакском наследии принадлежит Чону Ягёну (Чон Дасану, 1762–1836). В отличие от других сирхакистов, Чон Ягён сделал блестящую карьеру при ване Чонджо, побывав даже в должности тайного ревизора. Его карьеру погубило пристрастие к христианству (он был даже крещен и получил христианское имя Иоанн). Произошло это в 23 года, когда Чон Дасан только познакомился с католицизмом и тогда же стал изучать книги по математике, астрономии, географии и т. д. (Тягай 1971: 105). Своеобразно понятое христианство наложило большой отпечаток на его философскую мысль, поскольку в своих произведениях он часто ратовал за равенство людей перед Небом и по отношению друг к другу (Тихонов, Кан Мангиль 2011: 360).

Сирхакисты были первыми, кто перебросил духовный мост от традиционной конфуцианской догматики к науке в европейском понимании этого слова. Передовые корейские ученые испытывали неподдельный интерес к западным точным наукам, техническим достижениям европейцев, о которых они узнавали во многом посредством трудов католиков-иезуитов, переведенных на китайский язык.

Позднее именно идеи, заложенные прогрессивными конфуцианскими учеными, станут основой создания идейной платформы для *кэхва ундон* («движения за всестороннюю цивилизацию» и реформаторского движения), однако случится это уже гораздо позднее, в эпоху модернизации, в сложной и трагической обстановке ломки феодально-традиционного уклада и агрессии со стороны западных держав и Японии.

Что же касается христианства, то последователи *кэхва ундон*, за редким исключением, относились к нему достаточно прохладно, считая его «грубой формой буддийской ереси», недостойной внимания истинного конфуцианца (Там же: 363). Тем не менее, будучи подлинными учеными, они не могли обойти его стороной, тем более что интерес к христианству зародился в период, когда старые конфуцианские порядки уже перестали отвечать потребностям наступающей эпохи, и сирхакисты не могли этого не понимать. Доказательством этому служит создание в 70-х гг. XVIII в. моло-

дыми конфуцианскими учеными Квон Чхольсином, Чон Якчоном и Ли Бёком (ученики и последователи Ли Сугвана и Ли Ика) в горных лесах провинции Кенгидо Общества по изучению идей *сохак* («западного учения»), под которым теперь понималось уже изучение европейского католицизма (Симбирцева 2001: 264).

И это было не случайно, поскольку в данный период Корея испытывала острую нехватку новых, в том числе и религиозных идей. С другой стороны, сторонники *сохак* стали активно изучать китаезированный католицизм в той форме, в которой его занесли в Китай священники-иезуиты. В этом католицизме, который довольно сильно отличался от оригинального, их привлекала не столько религиозная догматика, сколько духовная свобода личности и равенство всех перед Богом.

Представители идейного течения *сирхак* фактически явились первыми людьми, которые начали изучать христианство задолго до появления в Корее европейских проповедников. Так, видный католический миссионер Шарль Далле отдал дань уважения корейским ученым, изучавшим христианские идеи. «Быстрому распространению христианства немало способствовало то обстоятельство, что многие ученые, равно как и люди, пользующиеся всеобщим уважением, примкнули к новой религии с самого начала ее введения; по понятиям же корейцев ученые суть учителя народа, следовательно, учение, привлекавшее столь умных людей, никоим образом безнравственным и вредным считаться не может...» (цит. по: Поджио 1892: 286).

Так или иначе, начало проникновению в страну христианских идей было положено, и заложили основу для их изучения не заморские проповедники, а сами конфуцианские ученые.

Первый духовный камень, заложенный прогрессивными сирхакистами, не пропал даром, и в конце 1783 г. общество по изучению идей *сохак* послало своего адепта Ли Сынхуна в Пекин для более подробного ознакомления с постулатами католицизма (Голстокулаков 2004: 250). Там он близко сошелся с французскими миссионерами, один из которых, Луи де Грамон, даже экзаменовал его на знание основ веры, а затем провел над ним обряд крещения (Симбирцева 2001: 264), в результате чего Ли Сынхун стал первым корейцем, принявшим христианство.

В начале 1784 г. Пётр Ли Сынхун вернулся в Корею и приступил к обращению в новую веру близких друзей и родственников, среди которых наиболее значимым был Ли Бёк, также один из чле-

нов группы образованных корейцев, изучавший *сохак*. Именно благодаря его энтузиазму бывшее когда-то научным кружком общество превратилось в первую неофициальную христианскую общину (Толстокулаков 2004: 250). Поскольку большинство из членов общества принадлежало к числу ученых, новая религия поначалу стала распространяться исключительно в дворянском (янбаны) и среднем (чунины) сословиях.

Среди первых католиков было много выходцев из среднего сословия (*чунин*), которое первоначально формировалось из детей янбанов от наложниц (*сооль*), а позднее стало самовоспроизводящимся. Поскольку получить чиновные должности им не удавалось, они в основном занимали технические должности, требующие не общеконфуцианской, а специальной подготовки (Ланьков 1995: 45). Часто, будучи гораздо более образованными, чем привилегированные янбаны, они не могли примириться с ролью людей второго сорта, которая отводилась им в традиционном конфуцианском обществе. Поэтому нет ничего удивительного в том, что именно представители этой социальной группы стали первыми в Корее христианами. Другой частью корейского общества, принявшей католичество, стали янбаны, придерживающиеся идейного течения *сирхак*. Будучи отстраненной от власти, эта часть правящей элиты с интересом воспринимала новую религию, которая, как они надеялись, могла бы помочь им занять более подобающее место в обществе.

Однако после того как через несколько лет католическая паства стала стремительно разрастаться, положение изменилось. К небольшому кружку присоединились новые адепты из числа крестьян, ремесленников и бедняков. Поэтому зимой 1784 г. в Сеуле в районе Мендон была организована первая подпольная корейская католическая церковь, которую возглавил единомышленник Ли Сынхуна Ли Бёк (Курбанов 2002: 283). Несмотря на то что первоначальная реакция власти в лице вана Чонджо (1776–1800) на создание церкви была резко негативной, массовых репрессий в отношении корейских католиков не проводилось. Это во многом было связано с тем, что ван Чонджо имел в тогдашнем обществе имидж «просвещенного правителя» и благоволил идеям *сирхак*, надеясь, что «мода» на «заграничную ересь» скоро сойдет на нет (Тихонов, Кан Мангиль 2011: 364).

Это вдохновило корейских последователей католицизма на более активные действия. Корейцы избрали из своей среды священнослужителей, стали проводить самостоятельные богослужения

и отпускать грехи. Так, Ли Сынхун, возглавивший корейскую церковь, провозгласил себя епископом, а его ближайшие сподвижники стали священниками (Курбанов 2002: 284). Тем не менее при ближайшем ознакомлении с христианскими догматами у новоявленных священников и самопровозглашенного епископа возникли серьезные сомнения в правомерности своего посвящения, и в 1790 г. они отправили в Пекин письмо тамошнему епископу Александру де Гови с просьбой прислать им настоящего (европейского) священника и благословить их деятельность (Paik 1987: 33). Однако ответ из Китая поверг корейских католиков в уныние. Пекинский епископ, пообещав прислать им в будущем своего священника, одновременно отказался признать самочинную корейскую епархию и, оставив за местными прозелитами лишь право на крещение, потребовал от них отказаться от традиционного для каждого корейца культа поклонения предкам, мотивируя это тем, что языческие верования несовместимы с подлинной христианской верой (Ждан-Пушкин 2010: 241).

Последствия этого заявления отрицательно сказались на развитии католической церкви в Корее. Дело в том, что призывы отказаться от почитания своих предков прямо покушались на традиционные культурные устои корейского народа, поскольку обряд *чеса* был неотъемлемой частью *хё* («сыновьей почтительности»), несоблюдение которого ставило отступника вне морали и законов конфуцианского общества (Курбанов 2002: 285).

Здесь следует подчеркнуть очень важный момент. Дело в том, что с самого начала корейцы воспринимали католицизм не в качестве «Ватиканского учения» с его сложными консервативными догматами и законами, а через пропаганду ордена иезуитов, который, формально являясь религиозной организацией, действовал светскими методами, пропагандируя христианство через достижения передовой европейской науки. Именно поэтому многие образованные корейцы были склонны полагать, что католицизм по сути является собой истинное конфуцианство, свободное от консервативных догм и предрассудков (Пак 2017: 36).

Однако из-за оппозиции ведущих европейских держав и негативного отношения к иезуитам со стороны римского папы в 1773 г. орден был распущен, а его деятельность запрещена. Это привело к тому, что Китай попал под влияние уже не адаптированного, а классического католицизма. Это сразу же снизило популярность католичества как религиозного учения и в Китае, и в самой Корее.

Запрет деятельности ордена иезуитов привел к двум негативным последствиям для корейских католиков.

Во-первых, многие из новообращенных отказались от христианства, и такими отступниками были не только люди из низшего и среднего сословий, но и представители высших классов корейского общества (Ждан-Пушкин 2010: 242).

Во-вторых, более стойкие сторонники *сохак* подверглись суровым репрессиям со стороны властей, а отдельные янбаны были даже казнены. Тем не менее вплоть до кончины вана Чонджо власти не производили массовых гонений на католиков, ограничившись запретом на открытую пропаганду западного учения. Это позволило корейской церкви набрать силу, причем во многом благодаря помощи извне, поскольку епископ Александр де Гови не забыл о просьбе корейцев прислать им настоящего священника. Однако поскольку до него, видимо, дошла информация о начавшихся репрессиях против корейских католиков, не пожелавших отречься от культа предков, он решил послать в Корею не европейца, а китайца, чей внешний облик не вызывал бы враждебности со стороны местного населения, тем более что до этого предыдущему претенденту на эту должность – португальцу Иоану дос Ремедиосу – не позволили пересечь китайско-корейскую границу (Paik 1987: 34; Толстокулаков 2004: 253). Священнику-китайцу повезло больше, поскольку ему удалось тайно добраться до Кореи и в течение семи лет активно распространять западную веру среди простых корейцев. Этому энергичному проповеднику, более известному в корейской историографии под именем Чжоу Веньмо (Яков Чу), удалось к 1801 г. увеличить число корейских католиков до 10 тыс. человек (Толстокулаков 2004: 253).

Однако после кончины Чонджо и восшествия на престол вана Сунджо (1800–1834) власть в стране перешла в руки консервативной группировки во главе с королевой Чонсун, которая одинаково негативно относилась как к католикам, так и к сирхакистам (Курбанов 2002: 285). Начались жестокие гонения на католиков, в ходе которых более 300 человек было замучено за отказ изменить своей вере. В число репрессированных попали как Ли Сынхун, китайский священник Чжоу Веньмо, так и сирхакисты, вообще не имевшие никакого отношения к католицизму, а лишь ставшие жертвами доносов (Тихонов, Кан Мангиль 2011: 365).

В разгар расправ один из янбанов-католиков Хван Саён (1775–1801) в порыве отчаяния отправил в Пекин письмо, в котором

наряду с рассказом о репрессиях против католиков содержалась и просьба об отправке Францией военных кораблей в Корею для защиты своих единоверцев. Однако, будучи обнаруженным властями, оно лишь усилило новые репрессии против христиан, которых теперь стали считать еще и предателями. Преследования уничтожили большую часть столичных католиков из числа образованных янбанов, но одновременно привели под знамена новой веры провинциальных простолюдинов. Тяга простых людей к католицизму объяснялась тем, что эта вера проповедовала идею равенства человека перед Богом. Кроме того, учение о небесном рае и вечных благах после страданий земной жизни согревала души измученных жизнью людей.

Страдания простого народа, глубокое проникновение иностранной веры и расшатывание основ конфуцианства свидетельствовали о нараставшем кризисе феодального общества. Он особенно усилился в период воцарения на престоле Чонсун, королевы-регента вана Сунджо. Однако, помимо королевы, большим влиянием в стране пользовался также родственник регентши Ким Джосун – крупнейший феодал родом из Андона. Вскоре он взял в свои руки управление страной, и в Корее более чем на полвека установилась власть временщиков из клана андонских Кимов, которые интересовались лишь собственными благами, а не судьбой страны (Тихонов, Кан Мангиль 2011: 365).

Правление клики временщиков привело к полному хаосу в административной системе, коррупции и всевластию правительственных чиновников, от которых натерпелись в полной мере не только крестьяне, фактически превратившиеся в бессловесных рабов, но и обедневшие провинциальные янбаны, особенно из северных провинций, которые не получали должностей в столице и на местах и, так же как и остальные, страдали от произвола центральной власти.

Поэтому, несмотря на репрессии и практическое отсутствие внешней поддержки, католицизм в Корее продолжал развиваться. Нельзя сказать, чтобы корейские христиане, особенно в период обрушившихся на их веру гонений, не предпринимали попыток связаться со своими зарубежными единоверцами. Так, еще в 1811 г. корейские верующие написали два письма: одно епископу в Пекин, а другое – римскому папе (Paik 1987: 36). Однако папа и епископ ничем не смогли помочь своим корейским адептам, поскольку в то время в самой Франции произошла буржуазная революция, в ходе которой католическая церковь в Китае утратила прежние источни-

ки финансирования. Более того, вплоть до 1829 г. Великое французское миссионерское сообщество (La Societe des Missions-Enrangeres de Paris)¹ не проводило вообще никакой проповеднической работы на Дальнем Востоке, поскольку оно было озабочено восстановлением утерянного в период революции и Наполеоновских войн. Только в 1831 г. благодаря помощи иезуитов, которые к тому времени вновь обрели былое влияние, и не без участия Ватикана было принято решение о создании независимого Корейского викариата (Толстокулаков 2004: 255).

На должность корейского епископа был назначен Бартеlemi Брюгер – французский миссионер, до этого работавший в Бангкоке (Сиам). Однако судьбе было не угодно, чтобы он добрался до Кореи, – пересекая Маньчжурию, француз тяжело заболел, а затем скорострительно скончался, не успев приступить к своей деятельности (Paik 1987: 37). Вслед за Брюгером в Корею направили священника Филибера Мобана, которому в январе 1836 г. при поддержке китайских и корейских католиков удалось пробраться в страну, и он смог начать проповедовать среди местного населения. В 1837–1838 гг. к нему присоединились еще два французских миссионера: Имбер и Шастан, которые не только активно путешествовали с проповедями, но и сумели подготовить первых священников-корейцев (Толстокулаков 2004: 256).

Однако нелегальная деятельность иностранных миссионеров послужила поводом для новых гонений 1839 г. со стороны антихристианского окружения малолетнего вана Хонджона (1834–1849). Реальной же причиной новых репрессий стал быстрый рост числа католиков среди корейцев, что власти тогдашней Кореи напрямую связывали с деятельностью французских священников, которые были арестованы, обвинены в государственном заговоре и после недолгого разбирательства казнены. Преследования католиков продолжались вплоть до декабря 1840 г., в результате чего погибло в общей сложности 110 человек (Min Kyoung Bae 2005: 56). Очень важным и любопытным документом, косвенно свидетельствующим об усилении влияния западной религии среди ко-

¹ «Общество иностранных миссий в Париже» (сокр. МЕР) было основано в 1658 г. и активнейшим образом работало в Азии (Китай, Вьетнам, Япония, Корея), причем в своей политике религиозной пропаганды оно придерживалось принципа адаптации к местным культурным традициям, при этом поддерживая тесные контакты с Римом.

рейцев, служит королевский эдикт «Чхукса юным» («Против еретиков»), составленный консервативным окружением корейского вана. Интересным в нем было то, что в эдикте впервые наряду с традиционными китайскими иероглифами использовался и *хангыль* – традиционный корейский алфавит, который обычно аристократами игнорировался. Это нагляднее слов свидетельствовало, что христианство к тому времени перестало быть уделом узкой группы конфуцианских ученых, но стало уже достоянием значительной части простого народа.

Этот эдикт состоял из пяти пунктов (Min Kuoung Baе 2005: 57). Первый разъяснял сложившееся положение и выступал в защиту консервативной традиции. Второй подвергал критике личность Иисуса Христа, а поскольку последний был казнен на кресте путем распятия, то он считался преступником. Третьим пунктом было осуждение и порицание католицизма, который обманывает народ и направляет людей на ложный путь. Четвертым было отношение к Христу с точки зрения признания его божественности. Поскольку корейские ортодоксы от власти полагали, что Иисус являлся живым человеком, то, по их мнению, он уже не может быть богом, а относится к категории злых духов. Пятый обвинял религиозные обряды католиков в разрушении института брака, традиционной конфуцианской сыновьей почтительности *хё* и в аморальном поведении мужчин и женщин во время совместных христианских богослужений.

В разгар антикатолических гонений в Корее вышло первое литературное сочинение в защиту христианства. Его автором был Чон Хасан (1795–1839), образованный янбан – племянник знаменитого конфуцианского ученого-сирхакиста Чон Ягёна (Ch'oe *et al.* 2000: 138). Он надеялся, что корейское правительство передумает и согласится с тем, что конфуцианство и католицизм могут быть совместимы. Прощение королю, написанное на литературном китайском языке, состояло из 3400 иероглифов и содержало просьбу о религиозной терпимости со ссылками на конфуцианскую классику и конфуцианскую традицию (Min Kuoung Baе 2005: 58). Несмотря на то, что Чон Хасан был казнен, его сочинение оставило глубокий след в истории не только корейского, но и всего дальневосточного католицизма, поскольку и поныне эта работа считается классическим трудом, обязательным для изучения во всех богословских семинариях от Китая до Вьетнама. Однако более важным примени-

тельно к истории христианства в Корее являлось то, что, в отличие от Хван Саёна, который не верил в собственную страну и даже тайно призвал на помощь иностранное государство, Чон Хасан принадлежал уже к другому поколению корейских католиков, людей, уверенных в своей правоте и не боявшихся открыто высказывать свое мнение, считая, что тем самым они выражают настроения значительной части корейского народа, который к тому времени успел принять постулаты новой для него религии.

В такой сложной, противоречивой идейно-политической обстановке, которая усугублялась повальной коррупцией и властью временщиков, происходило становление христианства в стране утренней свежести.

В 60-е гг. XIX в. правящей элитой была предпринята попытка укрепить государство и остановить процесс ослабления страны перед лицом возможной угрозы со стороны великих держав. Для этого нужно было покончить с коррупцией и провести реформы, которые могли бы усилить обороноспособность Кореи и укрепить ее экономику.

В 1863 г. на престол вступил 12-летний ван Коджон, однако реальную власть в стране получил его отец Ли Хаын, более известный как тэвонгун (принц-регент). Обладая волевым характером и немалыми способностями, Ли Хаын, действуя от имени будущего короля Коджона, сумел сосредоточить в своих руках единоличную власть на целое десятилетие (1863–1873) (Тихонов, Кан Мангиль 2011: 371). Главным противником тэвонгуна в борьбе за создание сильного государства стал род андонских Кимов, представители которого занимали все важнейшие посты в стране (Гафуров и др. 1974: 320). Поэтому первым шагом нового лидера в сфере внутренней политики стал ряд мер, направленных на прекращение всевластия клана Кимов. В начале 1864 г. тэвонгун объявил о начале новой практики привлечения на службу людей не по происхождению, а по их способностям (Курбанов 2002: 295). Таким образом, при сдаче государственных экзаменов и назначении на должность нельзя было смотреть на то, к какой «партийной группировке» принадлежит человек или откуда он родом.

В процессе борьбы с придворными группировками тэвонгун не ограничился изгнанием андонских Кимов. Новый правитель Кореи решил подавлять любые сепаратистские устремления крупных феодалов. Началась борьба с совонами – частными конфуцианскими учебными заведениями. Была проведена тщательная проверка их

деятельности, и к началу 1870-х гг. их количество сократилось с 600 до 47 (Курбанов 2002: 295). В 1864 г. тэвонгун издал указ, по которому все провинциальные учреждения должны были подчиняться распоряжениям центрального правительства (Гафуров и др. 1974: 321). Тем самым пресекалась любая попытка вмешательства местной знати в дела государственного управления.

Другим важным шагом тэвонгуна была попытка укрепления обороноспособности страны. В 1865 г. он возродил военное ведомство Самгунбу (Управление трех армий). На протяжении всего десятилетия своего правления тэвонгун заботился об увеличении производства оружия и укреплении оборонительных сооружений у западного и южного побережья Кореи (Курбанов 2002: 297).

Приход нового правителя пробудил в сердцах корейских католиков искру надежды. Этим ожиданиям благоприятствовали два фактора. Первым из них был внешнеполитический, поскольку в 1858–1860 гг. западные державы в ходе Второй опиумной войны нанесли сокрушительное поражение Китаю, вынудив силой оружия заключить с ними мирный договор, означавший фактическое открытие Поднебесной для дипломатической, торговой и миссионерской деятельности европейцев (Толстокулаков 2004: 257). Поэтому среди образованных янбанов, приверженных христианству, появилась надежда на скорое разрешение свободно исповедовать свою религию. Вторым моментом было то, что среди членов семьи тэвонгуна и приближенных Коджона было немало католиков, и хотя сам Ли Хаын особых симпатий к католикам не испытывал, поначалу он относился к ним весьма нейтрально, сквозь пальцы глядя на их деятельность.

Благодаря этому в 1861 г. в Корею прибыло четыре французских священника: Ландре, Джоанно, Ридель и Калаис, а в 1865 г. еще четыре миссионера: Болье, Бретоньер, Дори и Хюен (Описание... 1900: 51, 53). Практический результат такого отношения не замедлил сказаться, и к 1866 г. корейских католиков насчитывалось уже не сотни, а десятки тысяч; их число составляло, по одним данным, около 18 000 (Ждан-Пушкин 2010: 246), а по другим – 23 000 человек (Симбирцева 2001: 266). Французский миссионер Шарль Далле, из трудов которого черпали свои сведения первые западные исследователи, считал, что период с 1846 по 1866 г. был наиболее благоприятным для развития католицизма. «Число христиан возросло... на корейский язык было переведено несколько религиозных книг, два лексикона... история корейских мучеников, ботани-

ческие, зоологические и геологические заметки о Корее, образована коллегия для приготовления мальчиков к священническому сану, шесть молодых корейцев было послано в католическую миссию в Китай для получения там высшего богословского образования...» (Ждан-Пушкин 2010: 246).

Успешное развитие миссионерской деятельности настолько вскружило голову католическим иерархам Кореи, что они даже предприняли попытку оказать влияние на политику тэвонгуна. История эта, закончившаяся для корейских адептов католицизма весьма плачевно, вкратце такова. Когда в 60-х гг. XIX в. вокруг Кореи началась борьба западных держав за преобладание в ней, в числе государств, заинтересованных в установлении с ней торговых и дипломатических отношений, оказалась и Россия.

Несмотря на то что Россия не имела серьезных видов на Корею, ее политические оппоненты в лице Англии и Франции постарались внушить корейцам идею о «русской угрозе». Как раз в это время представился удобный случай. Дело в том, что, по одной из версий, в январе 1864 г. русская канонерская лодка бросила якорь в гавани близ Вонсана и передала корейскому правительству просьбу о желании свободно торговать с Кореей (Hulbert 1905b: 115). По другой версии, это была не одна лодка, а даже несколько кораблей (Поджио 1892: 313). Этим тут же не преминула воспользоваться католическая церковь.

Особенно активными в этом были французские миссионеры, которые через своих корейских единоверцев стали убеждать тэвонгуна в необходимости заключить союз с Францией и Англией в качестве гарантии самостоятельного существования корейского государства и «защиты совести на полуострове, подвергающейся угрозе со стороны России и русского православия» (Пак 2004: 97). Затем корейскими католиками, среди которых были Хон Бонджу, сын кормилицы вана Коджона Марты Пак, и Нам Джонсам, королевский секретарь, тэвонгуну была подана петиция, в которой озлобленность «агрессией» со стороны России сочеталась с попыткой легализации католицизма в Корее (Симбирцева 2001: 267). Защитники христианства надеялись на положительный ответ со стороны тэвонгуна, однако своими действиями добились прямо противоположного эффекта.

Действительно, поначалу Ли Хаын решил пойти навстречу просьбам католиков и через своего посредника обратился к епископу Бернье, находившемуся на территории Кореи, тем более что

супруга тэвонгуна благоволиительно относилась к католичеству (Толстокулаков 2004: 259). В обращении к Бернье содержалось предложение, чтобы последний самолично отправился к русским и уговорил их уйти из пределов Кореи, причем за эту услугу регент якобы даже обещал даровать христианам религиозную свободу (Поджио 1892: 313). В этой крайне выгодной для католиков ситуации Бернье начал вести себя излишне самоуверенно. С одной стороны, он заявил, что хочет быть полезным Корее, но не может исполнить поручения регента, поскольку является представителем «совершенно иной национальности и другой религии, чем русские, а следовательно, не может иметь на них влияния». С другой стороны, он отметил, явно сгущая краски, что русские – очень опасные люди, «которые рано или поздно найдут средство проникнуть в страну», а посему «постоянный отказ правительства (корейского. – А. П.) войти в сношения с какой-либо из европейских держав лишает его возможности предупредить опасность, требующую, несомненно, принятия безотлагательных мер» (Там же). По всей видимости, епископ Бернье в своем желании опорочить Россию перегнул палку, упустив шанс укрепить позиции католической церкви в Корее. Иностранцы наблюдатели считали, что епископ Бернье просто не отдавал себе ясного отчета ни о действительном положении дел в Корее, ни о том, насколько переменчив политический климат при королевском дворе.

Поэтому не было ничего удивительного в том, что мнение тэвонгуна переменялось. Причинами столь резкой перемены стали четыре фактора. Первый – это то, что сам Ли Хаын никогда полностью не доверял католикам, полагая лозунг «равенства всех перед Богом» опасной ересью, угрожающей основам конфуцианского государства, и поэтому считая всех адептов западной религии заочно агентами чужого влияния (Тихонов, Кан Мангиль 2011: 372). Второй вытекал из первого, ибо систематический отказ епископа удовлетворить просьбы регента заставил последнего заподозрить Бернье в шпионаже в пользу России. «Предположение, весьма возможное, так как корейцы не делают существенного различия между европейцами; на их взгляд, все пришельцы с крайнего Запада одни и те же варвары, стремящиеся к одной общей цели» (Поджио 1892: 315). Третьим было то, что, несмотря на сочувствие отдельным идеям *сирхак*, в своей политике тэвонгун в большей степени опирался на консерваторов, которые как раз и составляли лагерь недругов католицизма. Четвертый – у тэвонгуна возникло опасе-

ние, что договор о союзе с Францией вызовет подозрения Китая и недовольство со стороны все тех же консерваторов в правящей элите, которая в своем большинстве была антихристианской и прокитайской (Симбирцева 2001: 267). Поэтому 1866 г. стал точкой отсчета для новых, невиданных по жестокости массовых репрессий против европейских миссионеров и корейских католиков. Уже в январе 1866 г. была сожжена корейская грамматика, написанная на французском языке епископом Бернье, а восемь французских миссионеров казнены (Тягай 1983: 55). Всего же за три года репрессий было убито около 8 тыс. человек (Толстокулаков 2004: 260), хотя сами гонения продолжались вплоть до 1874 г., когда тэвонгун был отстранен от власти.

Убийство французских миссионеров и массовая резня католиков внутри страны дали Франции повод для прямого вмешательства в дела Кореи. В октябре 1866 г. к берегам Кореи подошли корабли французской Индокитайской эскадры с целью наказать тэвонгуна за убийство французских проповедников и открыть страну для внешних сношений. Несмотря на первоначальный успех (французам удалось захватить остров Канхвадо), силами народных масс оккупанты были изгнаны. После этого французы в течение долгого времени не пытались возобновлять контакты с Кореей.

Летом 1866 г. в корейских водах вблизи Пхеньяна произошел инцидент с американским торговым судном «Генерал Шерман», которое следовало из Тяньцзиня в Корею. Несмотря на то что официально целью экспедиции было заключение торгового договора с корейцами, на деле она служила прикрытием для провоза контрабанды и разграбления древних гробниц. Проигнорировав требование местных властей покинуть корейские воды, американцы арестовали начальника уезда, потребовав за его освобождение выкуп и заложников-корейцев. Тогда губернатор приказал начать военные действия против иностранных захватчиков. По его распоряжению американский корабль был окружен горящими лодками и подожжен. В результате корабль утонул, а его команда погибла в реке (Гафуров и др. 1974: 324).

В 1871 г. США послали в Корею свою эскадру, якобы для того чтобы выяснить, что произошло с их торговым судном «Генерал Шерман». Однако и она, натолкнувшись на серьезное сопротивление со стороны корейцев, также потерпела поражение (Ch'oe *et al.* 2000: 207).

Корее удалось отразить все попытки насильственного вторжения извне во многом благодаря сопротивлению простого народа, который поднялся на борьбу с иноземными захватчиками. Однако что касается реформ тэвонгуна, то здесь дело обстояло не столь гладко. Ли Хаын, будучи талантливым политиком, воплотил в жизнь некоторые части программ сирхакистов (борьба с коррупцией, выдвижение кадров по заслугам и т. д.), которые были прогрессивными и необходимыми, однако, к сожалению, уже не отвечали требованиям нового времени. Более того, тэвонгун отверг даже китайский опыт модернизации (политика самоусиления 1860-х гг.), не видя необходимости ни в европейском вооружении, ни в изучении передового опыта. Опираясь на свое консервативное окружение, он пошел по самому простому пути – борьбы с инакомыслием в любой его форме, не понимая, что это борьба не с причинами, а уже со следствиями общего упадка и отставания страны. Борьба с католиками вылилась у него в слепое отрицание любых достижений западной цивилизации, что в конечном итоге вело к объективному ослаблению Кореи.

Наглядным примером разрушения традиционного общества стало, с одной стороны, массовое проникновение католицизма, а с другой – появление национальной идеологии *тонхак* («Восточного учения»), которое было отражением бесправного положения народа и полнейшего равнодушия власти к его нуждам.

Католицизм был первым христианским учением, сумевшим проникнуть в Корею в XVIII в. С самого начала своего зарождения христианство стало насаждаться не иностранными проповедниками, а самими корейцами. Вначале это были прогрессивные конфуцианские ученые-сирхакисты, которые рассматривали католичество не столько как самостоятельную религию, сколько как своеобразный «духовный довесок» к изучению знаний европейской передовой науки. На этой стадии изучение доктрины и постулатов сохак было уделом немногочисленной образованной элиты, книжным знанием, не имеющим практического выхода.

Легкость восприятия сложнейшей для восточного человека западной религии облегчалась тем, что корейцы воспринимали ее не напрямую, а через книги иезуитов, которые к тому времени были переведены на китайский язык и адаптированы под понятия традиционной конфуцианской культуры. Вследствие этого даже самые ярые фанаты новой веры из числа прогрессистов воспринимали ее не как «западную религию», а как истинное конфуцианство, очи-

щенное от консерватизма и косности. Тем не менее католическая церковь в Корее поначалу развивалась в суровых условиях гонений со стороны власти и неприятия со стороны традиционного общества. Однако даже в условиях гонений католицизм продолжал развиваться. Корейцы сами, в закрытой от внешних контактов стране, без каких-либо помощников и посредников пытались, и часто весьма успешно, налаживать международные связи с церковными иерархами и европейскими священниками.

Человеческие потери в результате гонений на католиков, кризис феодального общества, коррупция, всевластие чиновников и временщиков, равнодушие власти к нуждам народа постепенно привели к тому, что христианство, раздвинув границы книжного знания, стало достоянием простого народа – простонародным католицизмом. Конечно, крестьяне, ремесленники и торговцы не особенно, а часто и вовсе не разбирались в вопросах религиозного культа, непорочного зачатия девы Марии и т. д. Они искали в христианстве иного – утешения и духовной поддержки. «Государственный и социальный деспотизм продолжал вынуждать многих искать какого-либо выхода из общего гнетущего строя, и христианство, одинаково доступное и знатному, и незнатному, и богачу, и бедному, не могло не привлекать к себе многих... Для малоразвитой массы адептов... именно это равенство и служило главной притягательной силой», став своеобразным выражением социального протеста (Ждан-Пушкин 2010: 245), что расценивалось властями как прямая угроза устоям традиционного конфуцианского общества и феодального государства.

Конечно, помимо социального протеста, конфуцианская идеализация западного учения имела и негативные моменты – корейцы, исповедовавшие католицизм, иногда, сами того не осознавая, становились невольными проводниками чужого влияния, как это было в случае с письмом Хван Саёна (Александра Хвана) и петицией корейских католиков тэвонгуну. Именно по этой причине большая часть корейской правящей элиты считала европейских священников и их корейских адептов не просто еретиками, но своеобразной «пятой колонной» внутри страны, «проводниками дипломатии канонерок» (Hulbert 1905a: 208). Неслучайно протестанты, пришедшие в Корею уже в 80–90-е гг. XIX в., позиционировали себя в совершенно ином качестве. Они использовали для обозначения своей

веры другие иероглифы², активно занимались широкой гуманитарной деятельностью: открывали школы, больницы, сиротские приюты – и вообще вели себя так, что даже корейцы, настроенные враждебно по отношению к «французской вере», стали считать, что протестантизм – совершенно другая религия, не имеющая никакого отношения к христианству. Другим недостатком корейского католицизма было то, что большинство корейских последователей христианства были несведущи в вопросах Священного Писания. Так, с момента основания церкви Ли Сынхунюм (1784 г.) в 1866 г. минуло 82 года, но не было даже попытки перевода Евангелия и хотя бы части Библии на корейский язык (Paik 1987: 42). И это не случайно, поскольку основное внимание обращенных в христианство уделялось не изучению Библии или христианских догматов, а внешней (обрядовой) стороне веры посредством установления церковной иерархии.

Тем не менее значение истории появления и развития католицизма в Корее трудно переоценить. Во-первых, серьезное знакомство с основами новой веры начали именно прогрессивные конфуцианцы, стремившиеся путем приобретения новых знаний о культуре, истории и технической мысли Запада изменить традиционное общество. Во-вторых, *сохак* стало достоянием среднего сословия – чунин, людей, которые позднее, в эпоху открытия страны, возглавили движение за модернизацию и прогрессивные реформы, сделав христианство знаменем этих перемен. Причем без всякого преувеличения можно считать, что католицизм в равной степени повлиял как на *сирхак*, так и на *тонхак*, став одним из элементов этих идейно-религиозных течений. В-третьих, поскольку на начальном этапе корейцы усвоили лишь общие евангельские истины, не особенно вникая в детали, отличающие одно направление христианства от другого, это позволило им позднее легче воспринять протестантизм и прогрессивные элементы западной культуры.

Республика Корея сегодня является многоконфессиональной страной, в которой вполне мирно и гармонично уживаются различные религии. При этом следует иметь в виду, что в современной Южной Корее нет единой государственной религии, поэтому на тысячах квадратных километров сосуществуют буддизм, конфуциан-

² Эта традиция сохранилась даже в современной Южной Корее, где протестанты именуют свое учение *кидоккё* («Учение Христа»), а католики – *чхонджугё* («Учение Небесного Бога»).

ство, шаманизм, протестантизм и католицизм. Это следствие синкретизма корейской культурной традиции, который продолжает сказываться и на современной жизни южнокорейцев. Так, по данным переписи населения на 2022 г., около 51 % корейцев признали, что не причисляют себя к адептам какой-либо религии, 20 % причислили себя к протестантам, 17 % – к буддистам, 11 % – к католикам, 2 % – к другим религиозным конфессиям (Population... 2022).

Литература

Гафуров, Б. Г. и др. (ред.). 1974. *История Кореи (с древнейших времен до наших дней)*: в 2 т. Т. 1. М.: Наука.

Ждан-Пушкин, П. 2010. *Корея. Очерк истории, учреждений, языка нравов, обычаев и распространения христианства 1875. Первые известия о Корее в России (1675–1884)*. Т. VII. М.: Первое марта.

Жуков, Е. М. (гл. ред.). 1959. *Всемирная история*: в 10 т. Т. 6. М.: Изд-во соц.-экон. лит-ры.

Курбанов, С. О. 2002. *Курс лекций по истории Кореи с древности до конца XX в.* СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та.

Ланьков, А. Н. 1995. *Политическая борьба в Корее в XVI–XVIII вв.* СПб.: Петербургское востоковедение.

Описание Кореи. Ч. 1. 1900. СПб.: Типография Ю. Н. Эрлихъ.

Пак, А. В. 2017. *Религиозная ситуация в Корее и деятельность христианских миссионеров в конце XIX – начале XX в.* М.: ИВ РАН.

Пак, Б. Д. 2004. *Россия и Корея*. М.: ИВ РАН.

Пак, В. П. 1982. *Просветительское движение и система образования в Корее во 2-й половине XIX – начале XX в.* М.: Наука.

Поджио, М. А. 1892. *Очерки Кореи*. СПб.: Тип. Е. Евдокимова.

Симбирцева, Т. М. 2001. Из истории христианства в Корее. К столетию православия. *Российское корееведение*: альманах. Вып. 2. М., с. 261–301.

Тихонов, В. М., Кан Мангиль. 2011. *История Кореи*: в 2 т. М.: Наталис.

Толстокулаков, И. А. (отв. ред.). 2004. *Роль религиозного фактора в жизни корейского общества*. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та.

Тягай, Г. Д.

1971. *Общественная мысль Кореи в эпоху позднего феодализма*. М.: Наука.

1983. *Формирование идеологии национально-освободительного движения в Корее*. М.: Наука.

Чан Джэён. 1997. *Первомартовское движение 1919 г. и корейская протестантская церковь*. М.: Вост. лит-ра.

Чирков, Н. Б.г. Инкультурация христианства в Китае. URL: <http://xn--80aqecdrilg.xn--p1ai/inkulturatsiya-hristianstva-v-kitae-chast-1/>.

Чон Чин Сок. 1966. *История корейской философии*. Т. 1. М.: Прогресс.

A Handbook of Korea 1993. Seoul: Korean Overseas Information Service.

Ch'oe, Y., Lee, P. H., de Bary, W. Th. 2000. *Sources of Korean Tradition*. Vol. II. New York: Columbia University Press.

Hulbert, H. B.

1905a. *The History of Korea*. Vol. II. Seoul: Methodist Publishing House.

1905b. *The Passing of Korea*. London: Doubleday, Page & Company.

Min Kyoung Bae. 2005. *A History of Christian Churches in Korea*. Seoul: Yonsei University Press.

Paik G. L. 1987. *The History of Protestant Mission in Korea 1832–1910*. Seoul: Yonsei University Press.

Population Distribution in South Korea in 2022, by Religion. URL: <https://www.statista.com/statistics/996013/south-korea-population-distribution-by-religion/>.

Wanne, J. J. 1972. *Traditional Korea: a Cultural History*. Seoul: Chungang University Press.